

На правах рукописи

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права
АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»
Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

Таймасов Рашид Ниязович

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С
БАНДИТИЗМОМ В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
1917-1958 гг.
(историко-правовое исследование)**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва - 2011

Научный руководитель: доктор юридических наук
Сидоркин Александр Иванович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Печников Андрей Павлович

доктор юридических наук, профессор
Чучаев Александр Иванович

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Уфимский юридический
институт МВД России»

Защита состоится «12» февраля 2011 г. в «16» часов на заседании
совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 513.002.04
при АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет коопера-
ции» по адресу: 141014, Московская обл. г. Мытищи, ул. В.Волошиной,
12/30, зал диссертационных советов (корпус 4, комн. 235).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке АНО
ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», авто-
реферат размещен на официальном сайте www.ruc.su.

Автореферат разослан « ____ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь
совета по защите докторских и
кандидатских диссертаций ДМ 513.002.04,
кандидат юридических наук, доцент

В.А. Медведев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. За период своего более чем 90-летнего «официального существования» в российском уголовном законодательстве состав бандитизм претерпел эволюцию от контрреволюционного преступления, имевшего ярко выраженный политический характер посягающего на основы государственного устройства, до преступления, посягающего на общественную безопасность. Конструкция этого состава преступления в разные периоды развития советского уголовного права претерпевала необходимые и существенные изменения. На протяжении всех лет существования Советского государства бандитизм оставался и остается на сегодня одним из наиболее тяжких преступлений, имеющих большую общественную опасность для отдельного человека, общества и государства. Более того, в конце XX - начале XXI вв. в России наблюдалась устойчивая тенденция его роста, причем не только уголовной разновидности, но и другой – «политического» бандитизма. Религиозно-националистическое движение на Северном Кавказе, организация незаконных вооруженных формирований и совершенные ими нападения дают нам право говорить о возрождении (новом этапе развития) именно «политического» бандитизма.

Все выше изложенное, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости углубленного комплексного историко-юридического анализа правового регулирования борьбы с бандитизмом, для учета имеющегося исторического опыта в этом вопросе современным российским законодателем.

Любые социальные институты представляют собой исторически изменчивые явления. Это в полной мере относится и к уголовному праву. Будучи правовым инструментом противодействия наиболее опасным формам отклоняющегося поведения, уголовное право самым тесным образом связано с текущими условиями развития общества и определяемой ими системой ценностей. Поэтому содержание уголовного права отражает объективные тенденции социального развития и преобладающие в тот или иной исторический период воззрения на преступление и наказание, идеологию борьбы с преступностью. С изменением объективных условий существования общества меняются и такие воззрения, а вслед за ними – и само уголовное законодательство. Таким образом, изменения уголовного права неизбежны вслед за изменениями социальной реальности, для регулирования которой оно предназначено. Более того, они необратимы.

Следует отметить, что необходимость изучения истории уголовного права определяется непрерывностью его развития, диалектической связью этапов, на каждом из которых происхо-

дит учет и совершенствование предыдущего опыта. Таким образом, анализируя историю, можно не только найти объяснение современному состоянию теории и практики борьбы с преступностью, но и на основе научного прогноза составлять перспективные планы ее совершенствования.

Помимо анализа нормативных актов, регламентирующих борьбу с бандитизмом, не меньший интерес представляет историческое исследование развития представлений науки советского уголовного о правовой конструкции состава бандитизма.

Степень научной разработанности проблемы. Изучению различных аспектов уголовной ответственности именно за бандитизм посвящены многочисленные труды советских и российских ученых криминологов, таких как: А.М. Абдулатипов, С.В. Бородин, Ф.Г. Бурчак, З.А. Вышинская, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Гаухман, П.Ф. Гришанин, П.И. Гришаев, Е.А. Гришко, У.С. Джекабаев, Н.Д. Дурманов, В.Д. Иванов, А.В. Ивашенко, А.А. Игнатов, М.М. Исаев, М.П. Карпушин, М.И. Ковалев, В.С. Комиссаров, Г.А. Кригер, Б.А. Куринов, Н.Ф. Кузнецова, Ю.Б. Мельникова, В.Д. Меньшагин, В.Н. Ошеров, А.А. Пионтковский, А.В. Покаместов, Т.Л. Сергеева, Е.А. Смирнов, Ф.Р. Сундууров, А.Н. Трайнин, П.И. Тельнов, К.И. Удалых, Т.Д. Устинова, А.В. Шеслер, М.А. Шнейдер, П.С. Яни и др.

Исторические аспекты борьбы с бандитизмом в Советском государстве частично нашли отражение в работах П.В. Агапова, П.Ф. Гришанина, А.М. Ивахненко, В.С. Комиссарова, А.В. Лихолата, П.П. Михайленко, А.П. Печникова, В.И. Пинчука, О.А. Поповой, Т.А. Пособиной, Д.А. Савченко, А.В. Хадзегова, А.И. Чучаева и др.

Вместе с тем, как показывает проведенный анализ, специальных работ, посвященных исследованию истории уголовно-правовой борьбы с бандитизмом, была написана всего одна – Л.Г. Хулаповой, да и та имеет региональную направленность.¹

Большинство работ, так или иначе затрагивающих, историю уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в советский период, были подготовлены в иных общественно-политических условиях. Исследования же последних лет рассматривают процессы развития законодательства Советского государства о борьбе с бандитизмом лишь в контексте отраслевой направленности работ в рамках уголовного права. Серьезным пробелом представляется нам отсутствие исследований о борьбе в советский период со специфическими формами бандитизма – такими как «политический», «националистический» и «лагерный» бандитизм.

¹ См.: Хулапова Л.Г. История уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в Туркменской ССР: дис... канд. юрид. наук / 12715 – уголовное право и уголовный процесс. – Ташкент, 1972.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают законодательство по борьбе с бандитизмом Советского государства за период его существования с 1917- по 1958 гг. Такие временные рамки обусловлены следующими обстоятельствами:

1) именно в этот временной период получили свое развитие и были ярко выражены специфические формы бандитизма: «политический», «националистический» и «лагерный»;

2) к началу 1960-х гг. существенным изменениям подверглась социальная сущность бандитизма: он стал носить характер общеуголовного преступления;

3) Закон об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. окончательно отделил состав бандитизма от контрреволюционных преступлений, тем самым определив вектор развития законодательства и исследований о борьбе с бандитизмом исключительно как общеуголовным явлением.

4) 1958 г. выделяется в науке как граница нового этапа развития советского уголовного законодательства, когда с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем новых уголовных кодексов союзных республик произошел отказ от многих институтов уголовного права, противоречащих принципу законности. Фактически на рубеже 60-х гг. XX в. состав бандитизма был сформулирован в том виде, в каком он существует в уголовном законодательстве России и до настоящего времени;

5) период борьбы с бандитизмом как общеуголовным преступлением с начала 1960-х гг. по настоящее время достаточно подробно исследован в рамках науки уголовного права.

Объект и предмет исследования. *Объектом* диссертационного исследования является система общественных отношений, связанных с законодательным регулированием борьбы с бандитизмом в историческом аспекте.

Предмет исследования составляет:

- совокупность законов, иных нормативных актов советского периода в области регулирования борьбы с бандитизмом;
- постановления Пленумов Верховного Суда Союза ССР и союзных республик по рассматриваемой проблематике;
- судебная практика, статистические данные, обзоры, ведомственные материалы о применении норм о бандитизме;
- научные публикации (авторефераты, диссертационные исследования, монографии, материалы периодической печати, учебная литература), касающаяся истории борьбы с бандитизмом и связанных с этой проблемой вопросов.

Цели и задачи исследования. *Цели* диссертационной работы определяются ее объектом и предметом. Это, во-первых, исследование теоретических и практических проблем, а также предпосылок, тенденций и закономерностей становления и развития законодательства Советского государства в 1917-1958 гг. о борьбе с бандитизмом. Во-вторых, сравнительный анализ теоретических и законодательных положений о квалификации бандитизма в советский период на разных этапах развития Советского государства. В-третьих, выявление как позитивных, так и негативных аспектов анализируемого исторического опыта, изучение его преемственности на более поздних этапах, а также в действующем законодательстве Российской Федерации.

Достижение указанных целей обеспечивается постановкой и решением следующих *задач*:

- проанализировать положения уголовно-правовой доктрины и законодательства советского периода о бандитизме;
- исследовать теоретическую базу и практику формирования законодательных положений о борьбе с бандитизмом в Советском государстве;
- выделить основные исторические этапы этого процесса;
- выявить механизмы, способы борьбы с бандитизмом и их правовую регламентацию в Советском государстве;
- проследить эволюцию и трансформацию социальной сущности бандитизма в 1917-1958 гг.;
- классифицировать и проанализировать отдельные исторические формы бандитизма;
- исследовать позиции идеологов и разработчиков уголовного законодательства в указанный период, а также их оппонентов;
- показать результаты рассматриваемых процессов и их влияние на уголовную политику Советского государства.

Методологическую основу диссертации составляют диалектический метод исследования, а также логический, историко-правовой, системно-структурный, статистический, конкретно-социологический и другие методы научного познания.

Теоретической основой диссертации послужили концептуальные положения общей теории права, отечественного уголовного права, уголовно-процессуального права, труды по истории права и государства, криминологии, в области философии, социологии права, лингвистики дореволюционного, советского и современного периодов.

Нормативную основу диссертации составляют законодательные и иные нормативные правовые акты РСФСР, Союза ССР и

союзных республик, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и принятые на их основе Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. и уголовные кодексы союзных республик.

Эмпирическую основу исследования составили материалы фондов Российской государственной библиотеки, Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета, проекты уголовных законов, опубликованная судебная практика советского периода, постановления Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ, официальная статистика, архивные материалы Государственного архива Республики Марий Эл, архива Информационного центра МВД по Республике Марий Эл.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно является одной из первых в науке истории права монографических работ, посвященных комплексному анализу борьбы с бандитизмом за период развития Советского государства с 1917 по 1958 гг., а также различных форм бандитизма. Диссертационное исследование опирается на последние разработки в области истории права и государства, выявляет тенденции и закономерности в развитии законодательства о борьбе с бандитизмом в Советском государстве. В диссертации обосновывается гипотеза о том, что бандитизм, в истории развития Советского государства, является не только уголовно-правовой, но и социально-политической категорией.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Специфическая особенность бандитизма состоит в том, что количественный его рост, как правило, связан с наиболее сложными для государства периодами, когда государственная власть ослаблена и не может должным образом реагировать на проявления преступности.

2. На начальном этапе существования Советского государства бандитизм имел широкую распространенность и тесно переплетался с контрреволюционными выступлениями противников советской власти. В период 1917-1921 гг. бандитизм зачастую приобретал специфическую форму классовый борьбы. Поэтому в законодательных актах этого времени отсутствует четкое разграничение бандитизма общеуголовного и бандитизма политического (контрреволюционного). Уголовному законодательству 1917-1921 гг. в борьбе с бандитизмом были свойственны черты «постфактум», поскольку оно карало только участие в банде и в совершаемых ею нападениях, но не сам факт организации банды

3. УК РСФСР 1922 г. значительно расширил и конкретизировал понятие «бандитизм», признал оконченным преступлением не только участие в банде и в совершаемых ею нападениях, но и сам факт

организации банды, что диктовалось необходимостью превентивной борьбы с бандитизмом на самых ранних этапах его зарождения. Таким образом, УК РСФСР 1922 г. впервые отнес бандитизм к разряду так называемых усеченных составов преступлений.

4. Новая трактовка понятия «бандитизм» была предпринята советским законодателем в 1927 г., когда на основании ст. 17 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) в УК РСФСР 1926 г. была включена ст. 59-3. С введением в действие этих изменений, борьба с бандитизмом стала осуществляться на всей территории СССР на основе единой нормы. Сформулированное в УК РСФСР 1926 г. понятие бандитизма (в ред. ст. 17 Положения 1927 г.) не подвергалось каким-либо законодательным изменениям вплоть до принятия в 1958 г. Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

5. Данное в 1928 г. Верховным Судом РСФСР понятие банды, опиралось на республиканское законодательство и противоречило общесоюзному уголовному закону. Отрицание Верховным Судом РСФСР признака устойчивости банды стирало грань между бандитизмом и разбоем.

6. Под бандой в теории советского уголовного права понимали устойчивую, вооруженную группу лиц, состоящую не менее чем из двух человек, имеющей целью совершение нападений на государственные, общественные учреждения или предприятия или отдельных лиц. Теории советского уголовного права не удалось определить степень организованности, при которой организованная группа превращается в банду.

7. В советском уголовном праве периода 1917-1958 гг. соучастие как в целом, так и за бандитизм в частности, не создавало каких-либо новых оснований уголовной ответственности за совершенное преступление, а ответственность наступала на общих основаниях. На законодательном уровне не было дано указаний о степени наказуемости отдельных соучастников по формально выполняемым ими функциям и провозглашалась ответственность всех соучастников за совершенное ими преступление на равных основаниях. Несмотря на то, что роль организатора преступления как наиболее опасной фигуры среди соучастников особо выделялась уже в первых законодательных актах Советской власти по уголовному праву, фактически его ответственность приравнивалась к ответственности исполнителя.

8. Советская теория уголовного права восприняла понятие шайки, выработанное дореволюционной доктриной без существенных изменений. Изначально, до издания указов от 4 июня 1947 г. шайка определялась как устойчивая, организованная преступная

группа, составившаяся для совершения различного рода преступлений. Законодательные решения описания шайки и банды способствовали тому, что сложившееся в науке уголовного права понятие шайки практически ни чем не отличалось от понятия банды. После внесения в 1927 г. изменений в УК РСФСР 1926 г. на законодательном уровне термин «шайка» перестал употребляться до 1947 г., однако судебная практика выдвинула понятие «организованной группы» как условие, достаточное для квалификации хищения социалистической собственности, которое стало отождествляться с понятием «шайки».

9. В 1930-х- первой половине 1950- х гг. наблюдается количественный рост специфической формы бандитизма - «лагерный» бандитизм. Его распространению в местах лишения свободы способствовали такие обстоятельства как: а) грубейшие нарушения лагерной администрацией приказов, распоряжений и инструкций, регламентирующих размещение, режим содержания заключенных, невыполнение указаний о надежной изоляции различных категорий уголовного рецидива; б) поощрение и распространение опыта привлечения к сотрудничеству по «наведению порядка» в местах лишения свободы представителей уголовного рецидива, допуск уголовного рецидива на работу в хозобслужбу и на низовые административно-производственные должности и создание, таким образом, благоприятной обстановки для их преступной деятельности; в) отсутствие на законодательном уровне четко сформулированной нормы о бандитизме в местах лишения свободы, имевшем свою специфику.

10. В 1930-е гг. акцент делается на политической составляющей бандитизма. Термин «бандитизм» начинает применяться при обосновании репрессий по отношению к противникам установления единоличной диктатуры И.В. Сталина. Категория бандитизма получила необоснованно широкое употребление в юридической литературе. В действительности же политический бандитизм существовал в первые годы Советской власти, поскольку бандитские нападения использовались представителями свергнутых классов и социальных групп, в том числе и для реставрации прежнего политического режима. Отчасти, это можно сказать и о деятельности банд в предвоенный и послевоенный период, действовавших на Западных территориях, присоединенных к СССР в 1939-1945 гг.

11. Националистические бандформирования Западной Украины и Прибалтики отличались от банд, действовавших на остальной территории Союза ССР не только по целям преступной деятельности, но и по своему составу. В их состав входили помимо уголовного элемента и лица, сотрудничавшие с оккупационным режимом, бывшие члены различных военизированных национальных формирований, созданных в годы войны руководством фашистской Германии.

Руководящую роль в таких бандах зачастую занимали агенты немецкой разведки. Борьба с националистическими бандформированиями осложнялась наличием специальной военной подготовки у их членов, обладанием знаний по тактике ведения боевых операций.

Теоретическая и практическая значимость работы. *Теоретическая значимость* диссертационного исследования обусловлена следующим:

а) оно является комплексным монографическим исследованием проблем борьбы с бандитизмом в Советском государстве в 1917-1958 гг.;

б) в исследовании не только прослежены основные этапы формирования и эволюции законодательства о борьбе с бандитизмом в советский период как общеуголовном явлении, но и установлены причины и условия возникновения специфических форм бандитизма, показано их влияние на уголовную политику.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в следующем:

а) выявленные исторические тенденции и закономерности формирования теоретических подходов к проблемам борьбы с бандитизмом, находятся в обусловленной законом преемственности диалектической связи с ныне существующими теорией и практикой соотношения и развития этого явления, что позволяет учесть прежний законотворческий опыт при дальнейшем реформировании российского законодательства в указанной сфере;

б) содержащиеся в диссертационном исследовании выводы и положения могут послужить основой для последующих исследований по проблемам борьбы с бандитизмом, уголовной политики Советского государства в историческом аспекте;

в) результаты диссертационного исследования могут быть реализованы в учебном процессе при преподавании истории права и государства, уголовного права, а также различных спецкурсов в средних и высших юридических учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации, там же проводилось ее обсуждение. Основные положения диссертации докладывались на региональных и международных научно-практических конференциях (Москва, Йошкар-Ола, Чебоксары, Уфа в 2009-2010 гг.). По различным аспектам темы исследования соискателем опубликовано 5 научных работ, общим объемом 1,09 п.л. Имеется публикация в рецензируемом журнале, определенном в перечне ВАК Министерства образования и науки РФ.

Материалы диссертационного исследования используются в процессе преподавания в Марийском государственном университете, Марийском филиале Московской открытой социальной академии, Чебоксары.

сарском кооперативном институте Российского университета кооперации; Марийском филиале Академии права и управления.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и списка использованных нормативных правовых актов и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цели и задачи, методология и методика, законодательная и теоретическая основы исследования, степень научной разработки проблемы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования.

Первая глава **«История уголовно-правовой борьбы с бандитизмом в Советском государстве 1917-1958 гг.»** состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе **«Правовая регламентация борьбы с бандитизмом в докодификационный период развития советского уголовного законодательства»** рассматриваются вопросы формирования норм о борьбе с бандитизмом в советском уголовном законодательстве до периода его кодификации – 1922 г.

На взгляд диссертанта, изменения социально-экономического и политического строя насильственным путем, произошедшие в феврале и октябре 1917 г. в России, не могли не сказаться на формировании в стране, в рамках оппозиции новой власти, бандитского движения, основная цель которого зачастую носила политический характер. Среди социально-политических факторов, породивших бандитизм в массовых масштабах диссертант выделяет основные, как то: стихийная демобилизация армии; скопление в руках населения большого количества оружия; занятость вооруженных сил и карательных органов Советского государства на фронтах гражданской войны не позволяла своевременно пресекать деятельность уголовных элементов, что в свою очередь порождало представления о безнаказанности и способствовало формированию опасных банд, занимавшихся грабежами и убийствами.

Повышенная опасность бандитизма для новой советской власти обуславливалась целым рядом обстоятельств. Во-первых, бандитизм на этом этапе зачастую смыкался с контрреволюционными выступлениями. Организации, ставившие своей целью сопротивление новому советскому порядку, использовали в своих целях и уголовные банды. Эти действия вносили дезорганизацию в деятельность органов власти, сеяли смуту и анархию среди населения, порождали недоверие к новой власти. Во-вторых, бандитские нападения посягали на сами

основы государства. Нарушение деятельности государственных органов, организация массовых беспорядков, порождение у широких слоев населения чувства страха и неуверенности в своей безопасности, существенные людские и материальные потери, - все это подрывало устойчивость и стабильность новой советской власти. В-третьих, в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. бандитизм получил большую распространенность в стране и в количественном и в территориальном объеме.

Все вышеуказанные обстоятельства ставили бандитизм в один ряд с контрреволюционными преступлениями и вынуждали органы власти Советского государства в борьбе с бандитизмом принимать чрезвычайные меры вплоть до установления особой подсудности и особого характера репрессий для лиц, уличенных в бандитских нападениях.

Во втором параграфе **«Квалификация бандитизма по уголовному законодательству 1920-х гг.»** исследуются нормы о бандитизме, получившие отражение в основополагающих законодательных актах этого периода – УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Также проводится сопоставительный анализ положений о бандитизме в теории советского уголовного права и судебной практике с фактическими нормами законов.

Диссертант приходит к выводу, что УК РСФСР 1922 г. значительно расширил и конкретизировал понятие «бандитизм», признал оконченным преступлением не только участие в банде и в совершаемых ею нападениях, но и сам факт организации банды, что диктовалось необходимостью превентивной борьбы с бандитизмом на самых ранних этапах его зарождения. Таким образом, УК РСФСР 1922 г. впервые отнес бандитизм к разряду так называемых усеченных составов преступлений.

Несмотря на более четкую законодательную формулировку нормы о бандитизме в УК РСФСР 1926 г., в судебной практике возникали затруднения в квалификации деяний, сопряженных с групповыми разбойными нападениями. Причиной того были следующие обстоятельства: а) дилемма широкого или узкого (с признаком устойчивости) понимания банды судами и теорией уголовного права; б) расширительное толкование признаков бандитизма, данное высшими судебными инстанциями; в) несовершенство санкций ряда статей УК; г) широкое применение судами принципа аналогии.

Новая трактовка понятия «бандитизм» была предпринята советским законодателем в 1927 г., когда на основании ст. 17 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) в УК РСФСР 1926 г. была включена ст. 59-3. С введением в действие этих изменений, борьба с бандитизмом стала осуществляться на всей территории СССР на основе единой нормы. Сформулированное в УК

РСФСР 1926 г. понятие бандитизма (в ред. ст. 17 Положения 1927 г.) не подвергалось каким-либо законодательным изменениям вплоть до принятия в 1958 г. Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

В параграфе третьем «**Особенности уголовной ответственности за бандитизм по законодательству Советского государства 1930-х – 1950-х гг.**» диссертантом акцентируется внимание на политической составляющей категории бандитизм. Последний в этот период начинает квалифицироваться властью, преимущественно, как политическое явление. Поэтому категория бандитизма, на взгляд диссертанта, получила необоснованно широкое употребление в юридической литературе. Трактовка бандитизма в начале 1930-х гг. как «одной из острых форм политической борьбы свергнутых господствующих классов» позволяла называть его политическим и даже «кулацким». Частое использование на самом высоком уровне в политическом лексиконе термина «бандитизм» породило «вольную» трактовку бандитизма, смешение его с контрреволюционным преступлением в уголовной доктрине и судебной практике. Руководствуясь определением политического бандитизма, данным П.А. Кабановым, мы можем констатировать, что действительный политический бандитизм существовал в первые годы Советской власти, поскольку бандитские нападения использовались представителями свергнутых классов и социальных групп, в том числе и для реставрации прежнего политического режима. Отчасти, это можно сказать и о деятельности банд в предвоенный и послевоенный период, действовавших на Западных территориях, присоединенных к СССР в 1939-1945 гг. Говорить же о политической составляющей бандитизма и вообще о самой возможности применения понятия «бандитизм» к деятельности противников И.В. Сталина, репрессированных в 1930-е – 1950-е гг., нам представляется неправильным. В действиях репрессированных не было состава бандитизма. По пути расширительного толкования уголовно-правовых норм о бандитизме пошла в 1930-е гг. и судебная практика. В апреле 1933 г. Президиум Верховного Суда РСФСР рекомендовал квалифицировать по аналогии с бандитизмом со всеми вытекающими последствиями в отношении репрессии «кражи личного домашнего имущества у находящихся на полевых работах колхозников, совершаемые организованными группами или классово враждебными элементами». В постановлении от 23 октября 1933 г. Пленум Верховного Суда СССР предложил квалифицировать по статье 59-3 (бандитизм) некоторые случаи самосудов, совершенные отдельными лицами по контрреволюционным мотивам или классово враждебным элементам: Речь уже шла не столько о признаках бандитизма (организованность, вооруженность), а сколько для суда главным становится, чтобы эти лица

были классово враждебными элементами, либо указанные действия совершались с контрреволюционным умыслом. Видимо следует согласиться с теми авторами, которые считали, что по существу здесь было не применение принципа аналогии, а создание нового состава или повышение репрессии за преступления, которые были предусмотрены УК, но санкции, за которые были, с точки зрения властей, недостаточно суровыми.

Уголовная ответственность за бандитизм в судебной практике конца 1930-х – начала 1940-х гг. стала применяться весьма редко. Новый поворот в трактовке бандитизма наступил в 1936 г. В стране велась подготовка к принятию очередной Конституции СССР, одним из постулатов которой выступал лозунг, что социализм в Советском государстве утвердился окончательно и навсегда. Исходя из этого посыла, в стране не должно было остаться места профессиональной преступности (как пережитку прежней буржуазной эпохи) и такому сопутствующему ей явлению как бандитизм. С конца 1930-х гг. всякая вооруженная организованная деятельность, особенно связанная с разрушением железных дорог и иных средств сообщения и связи, стала квалифицироваться по иным статьям о государственных преступлениях, в частности, по ст. 58-9 УК (диверсия), 58-11 УК (контрреволюционная организация).

В военные и послевоенные годы широкая трактовка бандитизма вновь возобладала в правоохранительной практике. Особая ситуация по борьбе с бандитизмом сложилась на освобожденных от немецко-фашистских захватчиков территориях Западной Украины и Прибалтики в 1944-1950-х гг. Именно здесь наиболее ярко проявилась политическая направленность бандитских нападений, имевших своей целью нанесение ущерба, в первую очередь устанавливаемой Советской власти на освобождаемых территориях. Борьба с различного рода националистическими организациями, однозначно признаваемыми бандитскими, как наиболее опасной формой преступной деятельности враждебных классов, в работе советских карательных органов Западной Украины и Прибалтики занимала одно из первых мест. Изначально была установлена презумпция, что бандитские нападения на представителей СССР и военнослужащих Советской Армии должны квалифицироваться как измена Отечеству, совершенная по антинародным мотивам, в ущерб государственной независимости, направленные против воли рабочего класса и всего трудящегося народа освобождаемых территорий. Исходя из этого, обозначенные преступные посягательства должны были караться наравне с посягательствами на народно-демократический строй, на народную власть освобождаемых территорий. Борьба с «националистическим бандитизмом» осуществлялась не только с помощью уголовно-правовых,

но и административных мер. Так, 29 января 1949 г. было издано постановление Совета Министров СССР № 380-138сс «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализовавшихся бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов». Всего по постановлению подлежало выселению 29000 семей (87000 чел.), в том числе: по Литве – 25500 чел., по Латвии – 39000 чел., по Эстонии – 22500 чел. Реально же в административном порядке с территории прибалтийских республик выселили 94779 чел. («кулаков, националистов и бандитов»); из Литвы – 31917 чел., из Латвии – 42149 чел., из Эстонии – 20713 чел. На основании постановления Совета Министров СССР № 5881-2201сс от 29 декабря 1949 г. из Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области (отошедших к ней от бывших прибалтийских государств) в Красноярский край были административно высланы 1563 чел. «кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях», а на основании постановления Совета Министров СССР № 135-26сс от 11 января 1950 г. в марте месяце были выселены в административном порядке из Таджикской ССР в Кокчетавскую область Казахстана 1500 чел. «бывших активных участников басмаческих банд и членов их семей».

По данным Министерства юстиции СССР всего за период с 1940 по 1955 гг. было осуждено за бандитизм 89949 человек (0,3 % от общего числа осужденных за различные преступления).

В параграфе четвертом «**Специфика борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930-е – 1950-е гг.**» исследуются особенности борьбы со специфической формой бандитизма – «лагерным бандитизмом» в местах лишения свободы.

Ужесточение репрессивной политики в 1930-е гг. в исправительно-трудовых учреждениях, на взгляд диссертанта, было связано не только с политическими процессами, происходящими в обществе, но и с активизацией уголовно-бандитствующего элемента в местах лишения свободы. Начатое в конце 1934 года очищение городов и поселков от бывших уголовников, если они не были заняты в общественном производстве, обеспечил приток «свежих сил» в места заключения, что повлекло за собой внутреннюю борьбу в воровской среде в местах заключения. Для обеспечения должной охраны и изоляции, осужденные за бандитизм и вооруженный разбой должны были направляться в наиболее отдаленные лагеря с содержанием в подразделениях лагеря, обеспечивающих надежную изоляцию, исключаящую возможность побега. Всего на 1 января 1939 г. в лагерях НКВД от-

бывали наказание за бандитизм 18601 человек. Это была шестая по численности категория осужденных в лагерях НКВД. С первых дней начала военных действий в 1941 г. в местах лишения свободы стали распространяться пораженческие настроения. Циркулировали слухи о том, что неоднократно судимые будут вывезены на север и ликвидированы, как в 1937-1938 годах. В связи с этим активизировалась антисоветская агитация, начались акты саботажа, оживилась деятельность бандитских групп осужденных, направленная на подготовку вооруженных восстаний в местах заключения. Бандитские нападения заключенных имели свои последствия. НКВД СССР была введена инструкция, регулирующая порядок содержания заключенных в годы войны. Она предусматривала применение оружия без предупреждения при нападении на работников мест заключения или охрану и при отказе заключенных приступить к работе после двукратного предупреждения, а в декабре 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР были созданы специальные лагерные суды для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД.

В послевоенный период динамика бандитских проявлений в местах заключения имела постоянную тенденцию к росту. Только за 1949 г. было зафиксировано 1834 случая «бандитских проявлений». Наибольшее число бандитских проявлений пришлось на лагерь ГУЛЛП (191 случай) и ГУЛЖДС (174 случая). Всего же на 1 января 1951 г. в ИТЛ и ИТК МВД СССР содержались 65816 осужденных за бандитизм и вооруженное ограбление и 12074 заключенных, которые были осуждены за бандитизм и вооруженное ограбление, совершенные в местах лишения свободы. За I квартал 1952 г. за бандитизм было привлечено к уголовной ответственности 4300 заключенных лагерей и колоний МВД.

В целом, за анализируемый в работе период переломить ситуацию в свою пользу по борьбе с лагерным бандитизмом НКВД / МВД не удалось. Проявление лагерного бандитизма в значительной степени объяснялось тем, что в ИТЛ не обеспечивалось поддержание должного режима. Заключенные за бандитизм во многих лагерях содержались вместе с заключенными, осужденными за прочие преступления, лагерная администрация, зачастую, вступала в сговор с главарями бандитских групп осужденных. Развитие бандитизма в местах лишения свободы способствовало то обстоятельство, что заключенные имели возможность доставать, изготавливать и хранить при себе предметы, могущие служить орудиями преступлений (ножи, топоры, ломы и т.п.), проносить в зону лагеря даже взрывчатые вещества. Пользуясь отсутствием должного режима и имея возможность вооружаться, заключенные

из числа наиболее опасного контингента организовывали банды, учиняли в лагерях массовые беспорядки, систематически убивали и избивали заключенных, нападали на работников охраны и надзирателей. Только в лагерях Дальстроя бандитами было убито за 9 месяцев 1951 г. 231 человек. Среди причин процветания бандитизма в лагерях диссертант указывает на широкое использование самоохраны из числа самих заключенных и введение в ряде ИТЛ т.н. «института старост». Эти старосты, назначенные администрацией из числа уголовно-бандитствующего элемента, вместо наведения порядка внутри зоны сами занимались бандитизмом и издевательством над заключенными. Ситуация в некоторых ИТЛ настолько вышла из-под контроля, что в дело вмешалась военная прокуратура войск МГБ, которая, в частности, принудила руководство Дальстроя ликвидировать институт старост во всех лагерях.

В целях стабилизации обстановки в 1952 г. в местах лишения свободы был проведен ряд мероприятий «по усилению изоляции уголовно-бандитствующих элементов, по предупреждению с их стороны бандитских проявлений». В течение года «в дисциплинарном порядке» было переведено в тюрьмы на срок от нескольких месяцев до двух лет 9105 заключенных «из числа бандитствующего элемента»; 24699 заключенных «за бандитские проявления» было водворено в специально организованные для их содержания лагерные подразделения строгого режима. На 1 января 1953 г. за бандитизм, совершенный в местах лишения свободы, содержалось на тюремном режиме 7405 заключенных и в специальных лагерных подразделениях строгого режима – 60255 заключенных. Специальными лагерными судами в 1952 г. за лагерный бандитизм было осуждено 3454 заключенных.

В течение 1952 г. в ходе «бандитских проявлений» в лагерях и колониях МВД было убито 1284 человека, ранено – 573 человека. Лидировали по убийствам лагеря Дальстроя – 183 убитых за год, Норильлаг – 83 убитых и Южно-Кузбасский ИТЛ (Новокузнецк) – 50 убитых.

В результате принятых мер руководством МВД количество бандитских проявлений в ИТЛ в 1952 г. сократилось вдвое, по сравнению с 1951 г., а число убитых и раненых при этом заключенных – на 46%. Однако, несмотря на некоторую стабилизацию проявлений бандитизма в ИТЛ, 13 января 1953 г. был подписан не публиковавшийся в открытой печати Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в ИТЛ». В соответствии с Указом, дела об особо злостных бандитских нападениях, сопровождающихся убийствами, совершаемых заклю-

ченными, содержащимися в исправительно-трудовых лагерях, подлежали рассмотрению в военных трибуналах войск МГБ СССР и в специальных судах. Указ допускал применение к виновным в этих преступлениях смертной казни как высшей меры наказания.

Главным недостатком Указа от 13 января 1953 г. было то, что в нем не раскрывалось понятие бандитизма, не отражалась специфика именно «лагерного бандитизма», что позволяло правоприменителю широко трактовать бандитизм в местах лишения свободы, подводя под его квалификацию любые массовые беспорядки среди заключенных. Вместе с тем, как показали дальнейшие события, Указ от 13 января 1953 г. на практике не стал действенным инструментом в борьбе с «лагерным бандитизмом». Мартовская амнистия 1953 г. значительно изменила контингент заключенных в лагерях. Теперь основной контингент там стали составлять лица, осужденные за особо опасные уголовные преступления, в том числе за бандитизм. Активизация оставшейся части заключенных против лагерной администрации, а также не приспособленность периферийных аппаратов Министерства юстиции на местах, в чье ведение были переданы в 1953 г. ИТЛ, к руководству лагерями и колониями отрицательно сказались на обеспечении режима содержания заключенных и поддержания там должного порядка. В результате во второй половине 1953 – начале 1954 гг. резко возрастает количество бандитских проявлений среди заключенных. Только в I квартале 1954 г. в ИТЛ и ИТК «на почве бандитских побуждений» было совершено 129 убийств.

Глава вторая «**Правовая конструкция бандитизма и проблемы его квалификации в теории советского уголовного права и судебной практике**» включает два параграфа. В ней дан анализ существовавших теоретических конструкций бандитизма в советской доктрине уголовного права и сопоставление их с судебным толкованием бандитизма. В первом параграфе «**Понятие бандитизма и признаки его объективной стороны**» исследуются вопросы разработки советской уголовно-правовой теорией и законодателем дефиниции «бандитизм», определения его объективных признаков. Под бандой в теории советского уголовного права понимали устойчивую, вооруженную группу лиц, состоящую не менее чем из двух человек, имеющей целью совершение нападений на государственные, общественные учреждения или предприятия или отдельных лиц. Разногласия в теории и судебной практике вызывали признаки объективной стороны бандитизма: а) устойчивость, которая понималась либо как предварительная организованность на одно или несколько преступлений (сторонниками количественного показателя устойчивости), либо как формирование пре-

ступной организации с наличием плана, четкого распределения ролей и т.п. атрибутами, присущими современной преступной организации; б) вооруженность, понимаемая либо как наличие у членов банды оружия в «узком его понимании», либо допускавшая признанием оружия любых предметов, конструктивно схожих с ним, в том числе макетов, предметов хозяйственного обихода, используемых не «по прямому их назначению», а в качестве оружия.

Анализ имевшихся точек зрения в доктрине советского уголовного права по вопросу определения признаков, характеризующих устойчивость, показывает, что они в своей основе имеют сходство и отличаются в основном уровнем обобщенности и их количеством. В советской юридической литературе называли такие общие признаки, как высокий уровень организации, тщательная подготовка, планирование совершения преступлений. Однако степень организованности, при которой организованная группа превращается в банду, теории советского уголовного права определить не удалось.

В параграфе втором «**Субъективная сторона бандитизма. Специфика определения ответственности соучастников бандитизма**», рассматриваются признаки субъективной стороны бандитизма. Диссертант приходит к выводу, в советском уголовном праве периода 1917-1958 гг. соучастие как в целом, так и за бандитизм в частности, не создавало каких-либо новых оснований уголовной ответственности за совершенное преступление, а ответственность наступала на общих основаниях. На законодательном уровне не было дано указаний о степени наказуемости отдельных соучастников по формально выполняемым ими функциям и провозглашалась ответственность всех соучастников за совершенное ими преступление на равных основаниях. Несмотря на то, что роль организатора преступления как наиболее опасной фигуры среди соучастников особо выделялась уже в первых законодательных актах Советской власти по уголовному праву, фактически его ответственность приравнивалась к ответственности исполнителя. Между тем поскольку, традиционно в доктрине и на практике признавалось, что соучастие является особой, специфической формой совершения преступления (т.е. одновременно несколько лиц участвуют в совершении одного и того же умышленного преступления), то в целях достижения индивидуализации наказания виновным, суду было предложено определять наказание соучастникам «в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени их участия в преступлении» (ст.12 Основных начал). УК РСФСР 1926 г. дополнил данную формулировку еще одним важным указанием, в соответствии с которым при определении наказания соучастникам должна учитываться еще и степень опасности совершенного преступления.

Эти положения допускали весьма широкое судебное усмотрение в отношении определения наказания соучастникам преступления, в том числе и за бандитизм.

Глава третья «**Дискуссионные вопросы юридической природы бандитизма советской теории уголовного права**» включает два параграфа. В данной главе исследуются вопросы, ставшие предметом острой дискуссии в советской теории уголовного права, как то: соотношение банды и шайки, разграничение бандитизма со сходными составами преступлений, в частности с разбоем.

В первом параграфе «**Дилемма ограничительного и расширительного толкования банды (разграничение банды и шайки)**» производится анализ проблемы соотношения понятий «банда» и «шайка» в советской доктрине уголовного права.

Диссертант приходит к выводу, что советская теория уголовного права восприняла понятие шайки, выработанное дореволюционной доктриной без существенных изменений. Изначально, до издания указов от 4 июня 1947 г. шайка определялась как устойчивая, организованная преступная группа, составившаяся для совершения различного рода преступлений. Законодательные решения описания шайки и банды способствовали тому, что сложившееся в науке уголовного права понятие шайки практически ни чем не отличалось от понятия банды. После внесения в 1927 г. изменений в УК РСФСР 1926 г. на законодательном уровне термин «шайка» перестал употребляться до 1947 г., однако судебная практика выдвинула понятие «организованной группы» как условие, достаточное для квалификации хищения социалистической собственности, которое стало отождествляться с понятием «шайки».

Новый подход к трактовке термина «шайка» установился в советской уголовно-правовой науке с момента издания указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Единственным существенным отличием шайки от банды по указам было четкое ограничение целей шайки – совершение краж. После издания указов от 4 июня 1947 г. наметилось расхождение в понимании шайки между теорией и судебной практикой по признакам устойчивости и предварительной соорганизованности.

В самой теории советского уголовного права не было выработано единого подхода к пониманию шайки. Эти подходы в общем виде можно сгруппировать по трем направлениям: а) шайка это организованная преступная группа, обладающая признаками устойчивости; б) шайка не обладала устойчивостью и соорганизованностью, она могла создаваться даже на одно преступление; в) шайка не является преступной организацией.

Во втором параграфе «**Бандитизм и смежные составы преступлений**» анализируются отличительные признаки бандитизма от смежных с ним составов преступлений.

Диссертантом установлено, что с момента появления в советском уголовном законодательстве состава бандитизма возникает проблема разграничения его с некоторыми составами преступлений, в частности с разбоем. Способствовало этому обстоятельству то, что исторически в советском уголовном законодательстве разбой рассматривался как разновидность бандитизма. Особенно остро эта проблема обозначалась в тех случаях, когда налицо было максимальное совпадение элементов, характеризующих указанные составы, например, когда разбой совершался несколькими лицами, и когда его совершение сопровождалось использованием оружия.

Сходство бандитизма и разбоя было обусловлено тем, что оба эти преступления выражались, как правило, в посягательстве на отдельных граждан или на государственные, общественные предприятия и организации. Кроме того, бандитские нападения, так же как и при разбое, могли быть соединены с применением в отношении потерпевших насилия, опасного для жизни и здоровья. Следует признать, что в теории советского уголовного права не был выработан единый критерий разграничения рассматриваемых составов. Высказывались различные точки зрения. По мнению одних авторов, основным критерием, отличающим разбой, совершенный вооруженной группой лиц, от бандитизма, является устойчивость (Л.Д. Гаухман). Другие авторы полагали вооруженность группы и устойчивость ее членов теми признаками, которые могут быть приняты во внимание при разграничении указанных преступлений (Г.Л. Кригер). Таким образом, из выводов теории, следовало, что вооруженность и устойчивость, взятая каждая в отдельности, могли быть критериями разграничения бандитизма и разбоя.

В этой связи диссертант присоединяется к позиции А.М. Иващенко признававшей, что устойчивость, хотя и является обязательным признаком бандитизма, но коль скоро она возможна и при разбойной группе, вне сочетания, однако, с вооруженностью, критерием разграничения бандитизм от разбоя признаваться не может. По тем же основаниям, как полагает диссертант, вооруженность группы вне сочетания с устойчивостью, также не могла быть критерием разграничения рассматриваемых преступлений.

По мнению диссертанта, основным критерием, по которому представляется возможным провести разграничение бандитизма, сопряженного с посягательством на отношения собственности, и группового вооруженного разбоя была совокупность признаков вооруженности и устойчивости преступной группы.

Различия бандитизма и разбоя обусловлены были, прежде всего, объектами посягательств каждого из этих преступлений. Как отмечалось в литературе (А.Н. Трайнин), разбой посягал на два объекта – на отношения собственности и личность. Что же касается бандитизма, то

хотя отдельные нападения при совершении этого преступления и выражались в посягательстве на граждан или государственные, общественные предприятия и организации, советский законодатель до 1947 г. не связывал их с конкретным объектом. Бандитизм всегда посягал на основы нормальной деятельности государства в области обеспечения общественной безопасности и поэтому родовым объектом бандитизма выступали общественные отношения, связанные с обеспечением нормальной работы органов управления, а также охраны общественной безопасности и общественного порядка.

Отсутствие устойчивой преступной связи между членами группы так же было, на взгляд диссертанта, одним из существенных признаков, отграничивающих разбой от бандитизма. Именно показатели устойчивости, выработанные советской наукой уголовного права в их совокупности, и позволяли производить отграничение банды от групповых форм разбоя.

В **Заключении** подведен итог проведенного исследования и сформулированы основные результаты, определяющие его научную новизну, а также теоретическую и практическую значимость.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в следующих изданиях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Таймасов, Р.Н. Разграничение банды и шайки в советской теории уголовного права и судебной практике до принятия УК РСФСР 1960 г./ Р.Н. Таймасов // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. - № 2. – С. 320-325 (0,37 п.л.).

II. Иные опубликованные работы

Статьи

2. Таймасов, Р.Н. К вопросу о сущности бандитизма в первоначальный период развития Советского государства / Р.Н. Таймасов // Марийский юридический вестник. Государство и право: актуальные вопросы истории и современности. – 2009. - № 7. - С. 64-66 (0,18 п.л.).

3. Таймасов, Р.Н. Состав бандитизма по Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. / Р.Н. Таймасов // Актуальные проблемы науки и образования: сб. статей преподавателей и аспирантов. – Йошкар-Ола: МОСИ, 2009. – С. 33-36 (0,18 п.л.).

4. Таймасов, Р. Н. Квалификация бандитизма по УК РСФСР 1922 г. / Р. Н. Таймасов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2009. - № 4. - С.34-36 (0,18 п.л.).

5. Таймасов, Р. Н. Проблема разграничения бандитизма и смежных составов преступлений в теории советского уголовного пра-

ва / Р. Н. Таймасов // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2010. - № 1(5) – С. 152-155 (0,18 п.л.).

Подписано в печать «_____» _____ 2010 г. Формат 60x84/16.
Гарнитура “Times”. Уч.-изд.л. 1.
Тираж 100. Заказ № _____

Оригинал-макет подготовлен ООП
Марийского филиала Московского открытого социального
университета: 424003, г. Йошкар-Ола, ул. К. Маркса, 140
лицензия л.р. № 071454 от 20.06.1997 г.,
выдана Госкомитетом РФ по печати
код ОКПО 953000